

На правах рукописи

ТУРУСОВ ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВИЧ

**ПРЕДАНИЯ О КУЗЬМЕ РОЩИНЕ В ФОЛЬКЛОРЕ,
ЛИТЕРАТУРЕ И ЛУБКЕ**

Специальность 10.01.09 - Фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ижевск 2006

Работа выполнена на кафедре русской литературы и кафедре фольклора филологического факультета ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского».

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор Клара Евгеньевна Корепова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Андрей Николаевич Власов
кандидат филологических наук,
Галина Анатольевна Глухова

Ведущая организация: Глазовский государственный педагогический институт им В. Г. Короленко

Защита состоится «25» декабря 2006 года в 13 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета К 004.020.01 при Удмуртском институте истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук по адресу: 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке УИИЯЛ УрО РАН.

Автореферат разослан «22» ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Л. Е. Кириллова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Изучение народной исторической прозы, несмотря на достаточно большое количество работ, посвященных проблематике жанра, продолжает привлекать к себе пристальное внимание исследователей. Предания о разбойниках, как отдельный вид народной прозы, в этом плане являются наименее исследованными, особенно в рамках региональных циклов. В полной мере это относится и к народным преданиям об окском атамане разбойников Кузьме Рошине, бытующим в некоторых районах Нижнего Поочья. Несмотря на свою достаточно давнюю известность – первые экспедиционные записи были опубликованы Н. Д. Комовской в издании «Предания и сказки Горьковской области» еще в 1951 г., предания об атамане Рошине предметом специального изучения до сих пор не становились. Между тем их изучение позволяет выйти на ряд актуальных проблем, таких как:

- 1) специфика отражения в преданиях исторической действительности;
- 2) проблемы региональности преданий;
- 3) эволюция фольклорных мотивов;
- 4) литературное влияние на народную историческую прозу.

Кроме того, многочисленные записи преданий, сделанные в различное время (и особенно опубликованные, цитируемые и переиздаваемые), нуждаются в проведении их текстологического анализа.

Мотивы преданий, представленных в записях XIX – начале XXI вв., требуют их систематизации, как на базе уже имеющихся подобных опытов, так и с учетом их региональных особенностей.

Предлагаемое в данной работе комплексное исследование народных преданий об окском атамане Кузьме Рошине проводится впервые и позволяет вновь рассмотреть обозначенные проблемы на основе всего комплекса региональных материалов.

Предметом исследования в данной диссертации являются записи народных преданий об атамане разбойников Кузьме Рощине. Разыскания, проведенные в различных центральных архивах (РГО, РЭМ, РГАДА, РГАЛИ) и фондах (БРАН, ГТБ, РГБ, РНБ) и местных музеях (Выксунский, Елатомский, Касимовский и Муромский краеведческий музеи), позволили нам выявить обширный исторический, фольклорный и литературный материал, нашедший отражение в настоящем исследовании. В диссертации рассматриваются исторические документы, подтверждающие существование реального прототипа атамана Рощина, и литературные и лубочные произведения об атамане Рощине.

Экспедиционные исследования, проведенные в 2004 – 2005 гг. в Нижнем Поочье – на территории Вачского, Выксунского, Навашинского р-нов Нижегородской обл., Меленковского, Муромского р-нов Владимирской обл. и Касимовского р-на Рязанской обл., позволили установить современный ареал рощинских преданий и определить локальную зону исследования: приокские регионы Выксунского р-на Нижегородской обл., Муромского, Меленковского р-нов Владимирской обл. и Касимовского р-на Рязанской обл.

Цель диссертационной работы – изучение всего цикла преданий об атамане Рощине, известных к настоящему времени.

Задачами исследования являются:

- 1) поиск архивных фольклорных материалов об атамане Рощине, записанных в XIX – XX вв.;
- 2) вовлечение их, а также современных экспедиционных записей преданий в научный оборот;
- 3) текстологический анализ материалов;
- 4) систематизация тем и мотивов преданий;
- 5) исследование основных мотивов в их эволюции;
- 6) определение региональных и локальных особенностей преданий;

- 7) исследование литературных и лубочных произведений о Рощине в их отношении к фольклорной традиции
- 8) выявление влияния на народную традицию литературных и лубочных произведений о разбойнике Кузьме Рощине.

Методология и методы исследования.

В основу изучения народных преданий об атамане Рощине положен комплексный метод, включающий в себя следующие методы исследования: структурно-типологический (вычленение мотивов преданий), историко-типологический (сравнительный анализ текстов преданий, выявление типологических параллелей в разбойничьих преданиях других регионов), сравнительно-исторический (сопоставительный анализ мотивов в историческом плане).

Степень изученности.

Народные предания неоднократно становились предметом научных исследований.

Начало публикациям текстов было положено еще во второй половине XIX в. в книгах известных собирателей русского фольклора С. В. Максимова, Д. Н. Садовникова, П. И. Якушкина и др., а также в различных заметках и статьях в местной прессе (чаще всего в неофициальной части губернских «Ведомостей»).

Кроме того, в середине и конце XIX в. большое количество материала было собрано в составе прочих записей для Русского географического общества и этнографического бюро В. Н. Тенишева. Тогда же, во второй половине XIX в., были опубликованы и первые работы по изучению разбойничьих преданий.

В XX в. предания о разбойниках неоднократно становились предметом специальных исследований многих отечественных фольклористов, особенно в составе наиболее распространенных циклов о Кудеяре, Ермаке, Разине и Пугачеве.

Комплексное исследование разбойничьих преданий было предпринято в монографии В. К. Соколовой «Русские исторические предания» (1970), где предания о среднерусских разбойниках были рассмотрены в рамках цикла о «благородных» разбойниках.

Наиболее подробно основная проблематика разбойничьих преданий была освещена в ряде работ Н. А. Криничной: «Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры» (1987), «Персонажи преданий: становление и эволюция образа» (1988), «Северные предания (Беломорско-Обонежский регион)» (1978) и «Предания Русского Севера» (1991).

Предложенное В. К. Соколовой выделение цикла преданий о «благородных» разбойниках, поддержанное затем Н. А. Криничной разделением разбойничьих преданий на две группы – о среднерусских «благородных» и севернорусских «собственно» разбойниках, на основе наиболее характерных мотивов, отражающих социальную направленность действий персонажей, до настоящего времени являются в отечественной фольклористике доминирующими критериями при изучении разбойничьих преданий. Именно с учетом данной классификации осуществляется большинство современных исследований преданий региональных разбойничьих циклов.

Одной из наиболее актуальных проблем жанра народной исторической прозы вплоть до настоящего времени продолжает оставаться текстология преданий. Вопросы текстологии фольклора наиболее остро в отечественной фольклористике были поставлены в конце 1950 – 1960-х гг. в целом ряде научных статей исследователей фольклора. Эта проблематика касается преданий и требует дальнейшей разработки.

Систематическое собирание фольклора в Нижегородской обл. началось в середине 1950-х гг. и с тех пор планомерно производится ежегодными фольклорными экспедициями кафедры русской литературы ННГУ. Хотя к

концу XIX в. скопились значительные материалы о Рощине, в исследованиях нижегородских фольклористов они освещения не получили.

Предания о Рощине, в основном из сборника Н. Д. Комовской, нашли отражение в исследованиях народной исторической прозы В. К. Соколовой и Н. А. Криничной, использовавших их только в качестве иллюстративного материала.

Источники.

Основной базой исследования стали опубликованные тексты роцинских преданий (сборники Н. Д. Комовской, В. Н. Морохина, М. П. Шустова, публикация Вал. К. Соколовой); неопубликованные материалы, в том числе записанные автором; компилятивное изложение текстов преданий в материалах краеведов XIX в. (А. Н. Полисадов, Н. Г. Добрынкин, П. И. Каманин); отражение упоминаний о роцинских преданиях в произведениях разного типа (роман П. И. Мельникова-Печерского, книга С. В. Максимова, публикации в местной прессе). Время записи данных материалов охватывает период с первой половины XIX в. по настоящее время (2005 г.), место записи – районы Нижнего Поочья, входящие в состав Нижегородской, Владимирской и Рязанской областей (в общей сложности, более 150 текстов).

Кроме того, образ Рощина в литературе исследуется по повести М. Н. Загоскина «Кузьма Роцин» (1836) и повести Н. П. Ключарева «Железная роза» (1964). Лубочные источники представлены 14 изданиями, обнаруженными в различных библиотечных фондах.

Для сопоставления привлекаются разбойничьи предания других регионов и произведения русской литературы XIX-XX вв., в которых развивается разбойничья тема.

Научная новизна исследования состоит во введении в научный оборот значительного числа материалов, до сих пор не опубликованных. Критическое рассмотрение материала и его текстологический анализ проводятся впервые. Впервые рассматривается история цикла преданий от

исторических событий, породивших их, через этапы неоднократного взаимодействия с литературной традицией до состояния в настоящее время.

Практическая значимость. Выявленные архивные и экспедиционные записи, подвергшиеся критическому анализу, представят интерес при подготовке сборников русской исторической прозы. Методика текстологического анализа может найти применение при исследовании других публикаций народных преданий. Материалы диссертации могут быть использованы при чтении курса фольклора, спецкурсов, курсов, связанных с краеведением. Исторические и литературные (лубочные) материалы, извлеченные из различных архивов и введенные в научный оборот в настоящем исследовании, заслуживают применения в смежных областях знания – истории, литературоведении, культурологи.

Апробация. Отдельные положения диссертации были представлены в виде докладов на научных конференциях и семинарах: Международная конференция «Жизнь провинции как феномен духовности» (Нижний Новгород, апрель 2004 г.), научная фольклорная конференция «Фольклор и художественная культура: Традиционная культура и процессы глобализации» (Москва, ноябрь 2004 г.), III Международная конференция «Жизнь провинции как феномен духовности» (Нижний Новгород, апрель 2005 г.), научная конференция «Уваровские чтения – VI. Граница и пограничье в истории и культуре» (Муром, май 2005 г.).

По теме диссертации было опубликовано 6 статей.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключение, Библиографии и Приложения. Библиографический список содержит 221 источник, из них 40 - текстовых. Отсутствие текстового приложения объясняется цитированием достаточного количества текстов и их фрагментов в основной части работы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обоснована актуальность темы, сформулированы цели и задачи диссертационного исследования, определены основные методологические подходы к изучению заявленной темы.

Глава 1 «Народные предания об атамане разбойников Кузьме Рошине: обзор источников, текстологический анализ» состоит из двух параграфов.

В § 1.1 «Историческая основа преданий» в хронологическом аспекте рассматриваются обнаруженные в результате разысканий в различных архивах документы, подтверждающие существование во второй половине XVIII столетия в Нижнем Поочье крупного вооруженного отряда атамана Петра Рошина, совершавшего разбойные нападения на реках Оке (между городами Муромом и Касимовым) и Мокше, на лесных дорогах, а также на муромские и касимовские деревни и села. Содержащиеся в этих документах сведения имеют прямую аналогию со многими мотивами преданий об атамане Кузьме Рошине. Делается вывод об отражении в рошинских преданиях конкретных событий исторической действительности.

В § 1.2 «История собраний преданий о Рошине» дается обзор фольклорных материалов в хронологии их записи. Производится текстологический анализ источников, относящихся к различным периодам XIX - начала XXI вв. Сравниваются тексты различных изданий и выявляются скрытые перепечатки. Исследуются тексты на их аутентичность и выявляются литературные обработки. На основе сопоставления с местной и общефольклорной традицией отдельных мотивов выявляются сомнительные тексты, возможные фальсификации.

Определяются общие принципы литературной обработки текстов, не затрагивающей их содержание:

- 1) стилизация под сказочную и былинно-песенную речь;
- 2) присутствие книжной лексики и фразеологии;

- 3) наличие архаизмов, не соответствующих быту рассказчиков;
- 4) неуместное использование диалектной лексики, не соответствующей говору места записи;
- 5) ошибки и путаница в географических названиях;
- 6) неправильное обозначение предметов сельского обихода и быта.

Определяются признаки фальсификации:

- 1) создание мотивов, противоречащих особенностям жанра и фольклора;
- 2) искажение типологических мотивов;
- 3) построение текста по законам литературного произведения (многогеройность, многосюжетность и т.д.).

Глава 2 «Мотивы преданий об атамане Рощине в их историческом развитии» состоит из двух параграфов.

В § 2.1. «Систематизация рощинских преданий» дается обзор основных принципов систематизации преданий, применявшихся исследователями: тематический (В. П. Кругляшова), сюжетный (В. К. Соколова), мотивный (Н. А. Криничная), и указателей народной исторической прозы, сделанных на их основе. Излагаются основные точки зрения на теорию мотива. Обосновывается необходимость мотивно-тематического принципа систематизации рощинских преданий, поскольку не вся сообщаемая в преданиях информация может быть рассмотрена с точки зрения мотивного вычленения, обладая более широким структурно-семантическим потенциалом. В записях преданий о Рощине, сделанных в XIX - начале XXI вв., выявляются определенные темы (например, занятия до того, как стал разбойником, причина ухода в разбойники, характер и методы разбоя, взаимоотношение с местными жителями, исчезновение из местности и др.), раскрываемые в тех или иных мотивах.

Приводится указатель основных тем и мотивов, содержащихся в рощинских преданиях. В качестве структуры мотива взята схема, предложенная А. Дандесом: 1) мотив, как обобщенная тематическая

конфигурация; 2) мотивема, как элемент синтагматической цепи в структуре повествования; 3) алломотив, как позиционный вариант мотива в конкретном тексте. Порядок рассмотрения мотивов в указателе осуществлен в соответствии с историческим принципом, использованным Н. А. Криничной: расположение мотивов соответственно хронологии изображаемых в них событий. Позиция каждого мотива в указателе подтверждается указанием на источники, этот мотив содержащие, и их количество, позволяющие судить о степени его распространения в конкретный период записи и в цикле в целом.

В § 2.2. «Основные мотивы преданий об атамане Рощине» рассматриваются мотивы преданий в их эволюционном развитии.

Предания об атамане Рощине представляют собой довольно обширный цикл. В преданиях показывается не только разбойная деятельность атамана, но и выстраиваются основные этапы его биографии. Наиболее полно биография Рощина предстает в ранних записях XIX в., когда были еще живы воспоминания о реальных действующих лицах и событиях второй половины XVIII в. Однако, хотя биография Рощина отталкивается от фактов исторической действительности, его изображение в преданиях опирается на традиционное понимание образа разбойника в фольклоре. В связи с этим, с течением времени сведения биографического плана (касающиеся происхождения Рощина, состава его семьи, образа жизни до того, как стал разбойником, причин ухода в разбойники, конкретных разбойных действий и обстоятельств гибели) стали постепенно исчезать из преданий, уступая место типологическим мотивам.

В преданиях о Рощине представлены самые различные мотивы, имеющие типологический характер, встречающиеся как в разбойничьих преданиях других регионов, так и в народной традиции в целом.

Одним из наиболее распространенных в преданиях является мотив *магических способностей* Рощина: сообщается о том, что Рощин был

колдуном, обладал умением *заговаривать оружие* и свои *притоны*, в связи с чем был неуловим для преследователей.

Мотивы магической неуязвимости и неуловимости атамана Василия Рощина наибольшее распространение в преданиях получили в XIX – первой половине XX вв., и в конце XX в. практически исчезли из народных рассказов. К началу XXI в. объяснения могущества Рощина стали приобретать все более реалистические очертания.

Рассказы о *физической силе* Рощина характерны для всего периода бытований рощинских преданий. Возникший в преданиях как результат демифологизации персонажа, замены его магических качеств эпическими, мотив чрезвычайной физической силы с течением времени в рощинских преданиях также постепенно угасал и вытеснялся реалистическими элементами.

Одной из главных тем, раскрываемых в преданиях, является *взаимоотношение атамана Рощина и местных жителей*. Местные жители занимают в преданиях не меньшее место, чем главный персонаж, и именно через их действия или через действия Рощина по отношению к ним раскрываются многие мотивы рощинских преданий. В мотивах, раскрывающих эту тему, в полной мере присутствует семантическая оппозиция «свой/чужой», характерная для многих жанров народной прозы. Изначально атаман Рощин занял в этой оппозиции положение «чужого», антагониста по отношению к местным жителям, что выразилось в соответствующих мотивах.

В ранних записях говорится о том, что местные жители часто укрывали Рощина от властей, однако делали это, в основном, из-за *страха* перед ним. Причиной страха чаще всего называется *пытка жертв огнем*, практиковавшаяся Рощиным и его братьями. *Мотив сжигания* разбойниками своих *жертв* до сих пор считался характерной особенностью северорусских разбойничьих преданий. Однако окские предания о разбойнике Рощине

показывают, что данный мотив имел большое распространение и в среднерусских разбойничьих преданиях.

Одновременно с сохранением мотива страха местных жителей перед Рощиным в преданиях стали получать распространение рассказы о том, что жители окрестных деревень укрывали Рощина в случае опасности, получая за это от него различные *«подарки и гостинцы»*. В дальнейшем эти сообщения трансформировались в рассказы о деньгах (или иных предметах), передаваемых Рощиным беднякам. Ни в одном источнике XIX в. о помощи Рощина бедным ничего не говорится. Подобные мотивы впервые отмечаются в записях 1930-х гг.

О помощи Рощина беднякам сообщается в самых разнообразных мотивах. Как правило, это мотивы оказания помощи Рощиным *«старушкам, идущим покупать корову»* (или занимать деньги на ее покупку), имеющие типологический характер для разбойничьих преданий. Существует в преданиях о Рощине и мотив *«одаривания крестьян в качестве компенсации за нарочно причиненный ущерб: разбитые горшки, убитую лошадь и т.п.»* Большое распространение в преданиях о Рощине имеет сюжет *«о деньгах, зарытых под пеньком, на который садится путник, встретившийся разбойникам.»*

В поздних преданиях получает распространение мотив *«гуманного»* разбоя Рощина: сообщается, что Рощия только грабил, отбирал лишнее, но никого не убивал.

Эволюция мотивов, характеризующих отношения между Рощиным и местными жителями, свидетельствует об изменении в преданиях образа атамана Рощина в сторону его *«благораживания»*, выражающемся в постепенном угасании качеств антагониста, *«чужого»* и превращения разбойника в *«своего»* по отношению к местным жителям.

В преданиях о Рощине часто подчеркивается, что он был не простым разбойником, а предводителем, атаманом шайки, и обладал большой властью

в округе. Атаман Рощина изображается в преданиях ревностно оберегающим авторитет своей власти, не прощающим никому в ней сомневающемуся или на нее посягающему: сообщается о публичном наказании местных жителей, осмелившихся высказать ему непочтение, или о поединке с другим разбойничьим атаманом за власть в регионе. Постепенно в преданиях все большее распространение стал получать мотив *справедливости* Рощина: добычу у него всегда поровну делили.

Появление данных мотивов свидетельствует, что в рощинских преданиях на определенном этапе их эволюции стал развиваться образ не столько *«благородного» разбойника*, сколько *«справедливого» правителя*.

Основными мотивами, раскрывающими тему исчезновения шайки атамана Рощина, являются мотивы *гибели* Рощина *на озере* и его *пропажи без вести*.

Одновременно с реалистическими мотивами гибели атамана Рощина уже в ранних преданиях стало отмечаться, что в связи со сверхъестественными неуязвимостью и неуловимостью Рощина для противоборства с ним необходимо появление также *магического противника*, местного колдуна Ворожеинова, способного нейтрализовать колдовство Рощина, что имеет соотношение со многими мифологическими и фольклорными традициями. В преданиях колдун Ворожеинов действует типичным колдовским средством – силой своего заговора нейтрализуя силу заговоров атамана-колдуна. Однако, если в ранних записях противодействия одного колдуна для ликвидации Рощина было достаточно, то уже в преданиях второй половины XIX в. колдун вынужден изыскивать дополнительные магические средства для противодействия атаману и прибегать к *помощи* других лиц, в частности, *любовницы* Рощина, выпроводившей атамана от себя неумышленно и сообщившей об этом колдуну. Таким образом, практически одновременно в рощинских преданиях отмечается возникновение двух новых мотивов гибели атамана Рощина: *уход*

неумытым и предательство женщины, оказавшихся во взаимодействии друг с другом, сохранившемся и в поздних преданиях. В записях XX в. появляется мотив *убийства* Рощина *медной пулей (пуговицей)*, неизвестный в ранних преданиях, сохранивший свое положение и в настоящее время.

Предания о *кладах* атамана Рощина возникли практически одновременно с преданиями о самом атамане и типологически соответствуют другим преданиям о разбойничьих кладах. Уже в ранних преданиях отмечалось, что «*взять*» рощинский клад практически невозможно, однако, первоначально возникновение подобной трудности объяснялось, в основном, географическими или погодными условиями. В конце XIX в. в преданиях фиксируются мотивы «*заклятья*» Рощиным своих кладов и существования неких *духов-сторожей* этих кладов. Сторожами, как правило, становились разбойники из шайки Рощина, которым Рощин *отрубил головы и оставил охранять клады*. Сообщается и о соблюдении неких *правил* для того, чтобы завладеть кладом. Имеют распространение рассказы о попытках эти клады добыть, заканчивающихся, как правило, неудачей в связи с *невозможностью вторично найти место захоронения клада*, и о *чувстве страха*, испытываемом кладоискателями, т. е. также наблюдается преобладание типологических мотивов.

В рощинском цикле представлены и *топонимические* предания, связанные с деятельностью как самого атамана Рощина, так и его отряда. В этих преданиях упоминаются населенные пункты и некоторые природные объекты. Практически все топонимы, связанные с именем атамана Рощина, находятся в южной части Выксунского района – на территории Рожнова бора, в котором, согласно историческим документам, находился лагерь отряда Петра Рощина, и где могли происходить основные контакты между Рощиным и местными жителями. Топонимические предания закрепили факт пребывания атамана Рощина и его отряда в данной местности, представляя собой факт отражения в фольклоре исторической действительности.

Глава 3 «Атаман Кузьма Роцин в литературе и лубке» состоит из четырех параграфов, в которых рассматриваются литературные и лубочные произведения об атамане Роцине.

В § 3.1. «Атаман Кузьма Роцин в литературе первой половины XIX в.» рассматривается повесть М. Н. Загоскина «Кузьма Роцин» (1836) на фоне интереса к разбойничьей теме в русской литературе 1830-х гг., вызванного переводными западноевропейскими романами о «благородных» разбойниках и конкретными историческими событиями. Впервые анализируются фольклорные мотивы, содержащиеся в повести. М. Н. Загоскин сохранил место действия (Касимовский уезд Рязанской губернии), время действия (вторая половина XVIII в.), характер разбойных действий шайки Кузьмы Роцина, подтверждающие знакомство автора с историческими документами второй половины XVIII в., имеющими отношение к рассматриваемым событиям, либо с народными преданиями об атамане Роцине. Вместе с тем М. Н. Загоскин дополнил сюжет повести типичными мотивами переводных разбойничьих романов (появление перодедого атамана в помещичьей усадьбе, похищение дочери помещика, погоня, схватка с ее женихом и т. п.), а также создал собственную версию гибели Роцина: казнь раскаявшегося разбойника, раскрыв в ней тему «божьего суда», неотвратимости наказания для преступника.

В § 3.2. «Атаман Кузьма Роцин в лубке и народной драме (вторая половина XIX-начала XX вв.)» рассматриваются лубочные повести и драмы. Кузьме Роцину посвящены четырнадцать различных лубочных повестей (известных к настоящему времени). Повести создавались авторами без привлечения фольклорных источников, и тема разбоев Роцина получила в них своеобразное развитие. География его деятельности расширилась от приокских р-нов до Верхнего и Нижнего Поволжья, некоей северной губернии и даже Москвы и Кавказа, а время действия из конца XVIII столетия переносилось в Смутное время начала XVII в. и даже в эпоху Ивана

Грозного. Сюжеты повестей от незамысловатых и примитивных историй о зверствах жестокого атамана разворачивались вплоть до почти «инструкций» по раскаянию и уходу из разбойничьей шайки. Практически во всех повестях Кузьму Рощина ожидает справедливое возмездие: казнь, самоубийство или поимка, т. е. ощущается их явная морализаторская направленность. Эти особенности лубочных повестей о Кузьме Рощине позволяют поставить вопрос о необходимости корректировки представления о исключительно развлекательном характере лубочной литературы.

Большинство лубочных повестей о Рощине представляют собой произведения с оригинальными сюжетами, но имеющие также явные пересечения друг с другом, заимствованные мотивы, детали или отдельные имена. Зависимость лубочных и драматических произведений о Кузьме Рощине от повести М. Н. Загоскина и друг от друга, выявленные в результате их сопоставления, показаны на **схеме 1**.

В § 3.3. «Атаман Рощин в литературе второй половины XX в.» рассматривается повесть Н. П. Ключарева «Железная роза» (1964), посвященной истории возникновения во второй половине XVIII в. выксунских железоплавильных заводов и их основателям – заводчикам Баташовым. Атаман Рощин является одним из героев повести. Н. П. Ключарев использовал некоторые мотивы народных преданий: физическая сила Рощина, разбойные нападения на Оке, пропaja Рощина без вести после боя с отрядом солдат. В то же время Н. П. Ключарев предложил авторскую трактовку событий, создав образ исключительно «благородного» разбойника, организовавшего свой отряд под влиянием речей пугачевского агитатора и из-за мотива личной мести заводчику Баташову, отобравшего у Рощина невесту. Во второй части дилогии «Работные люди» (1984), куда вошла повесть «Железная роза», Н. П. Ключарев совершил окончательную героизацию образа атамана Рощина, рассказав о его гибели во время штурма турецкой крепости Измаил армией Суворова, где Рощин оказался после

разгрома своего отряда. Повесть Н. П. Ключарева имела большое распространение в конце XX в. в Выксунском р-не Нижегородской обл. и, частично, в Меленковском р-не Владимирской обл.

В § 3.4. «Влияние лубочных и литературных произведений об атамане Рощине на народную традицию» рассматривается литературное и лубочное влияние на рощинские предания, выразившееся в следующем.

I. Предания об атамане Рощине появились за пределами их ареала (Ветлужский р-н Нижегородской обл., Белозерский край).

II. Предания, восходящие к лубочным повестям, являются прямым пересказом, что выражается присутствием:

- 1) имени Кузьма, восходящего к произведению М. Н. Загоскина;
- 2) мотивов (разбойничьи песни, казнь Рощина в Москве и др.);
- 3) лексик в компилятивных пересказах преданий XIX в., характерной для образа разбойника в лубке (свирепый злодей и т.п.).

Наибольшее влияние на предания оказала повесть Н. П. Ключарева, от которой идет изменение социальной характеристики образа Рощина (рабочий, мститель Баташову), а также значительное число мотивов (отбирание Баташовым невесты Рощина, гибель Рощина под Измаилом и др.).

В **Заключении** подводятся общие итоги диссертационного исследования.

Исследование исторических, фольклорных и литературных источников позволило установить следующее.

Народные предания об атамане Кузьме Рощине являются отражением в фольклоре событий исторической действительности, видоизмененных фольклорным сознанием. Наибольшее развитие в преданиях получали типологические мотивы, характерные для разбойничьих преданий других регионов и для жанра народной исторической прозы в целом. В наибольшей степени это относится к мотивам, имеющим в своем составе

мифологическую основу, что выразилось как в длительности периода их записи, так и в количестве их вариантов. Мотивы, основанные на реальных событиях, с течением времени постепенно исчезали из преданий, уступая место традиционному пониманию образа разбойника в фольклоре.

В целом же, эволюция многих мотивов имеет в преданиях *циклический* характер: реалистические элементы, преобладающие в их составе в ранних записях первой половины XIX в. и восходящие к действительности, постепенно во второй половине (и особенно в конце) XIX в. все более заменяются магическими элементами, которые затем в свою очередь претерпевают постепенное угасание и к концу XX в. практически исчезают из преданий, вновь уступив место реалистическим объяснениям, причиной чему могут являться общие тенденции развития народного творчества.

Самые кардинальные изменения коснулись мотивов, раскрывающих тему взаимоотношений атамана Роцина с местными жителями. Первоначально заняв в оппозиции «свой/чужой» место антагониста, «чужака», Роцин с течением времени «переместился» в положение «своего», что выразилось в изменении мотивов, раскрывающих как его действия, так и отношение к нему местных жителей.

Одновременно с этим в преданиях стал развиваться образ «справедливого» правителя, в результате чего в дальнейшем получили развитие мотивы исключительного нападения Роцина на богатых и его помощи бедным, реализовавшихся в формуле «богатых – грабил, бедным – отдавал», получивших наибольшее распространение в первой половине XX в. Мотив «благородного» разбоя не вытеснял ранние мотивы о жестокости Роцина и страхе людей перед ним, и вплоть до настоящего времени продолжается их совместное бытование.

Наличие в окских преданиях об атамане Роцине мотивов жестокого обращения с жертвами (и, в частности, сжигание на вениках), до сих пор считавшимися исключительной особенностью севернорусских разбойничьих

преданий, свидетельствует, на наш взгляд, о том, что деление русских разбойничьих преданий на два различных типа – среднерусских о «благородных» разбойниках, и севернорусских о «собственно разбойниках», не совсем корректно.

Ареал роцинских преданий устойчиво сохраняется на территории, связанной с историческими событиями, нашедшими отражение в народной традиции. Наибольшая концентрация мотивов наблюдается в эпицентре исторических событий. В процессе бытования отмечается постепенное сужение ареала и уменьшение к его периферии количества воспроизводимых рассказчиками мотивов. Внутри ареала предания роцинского цикла имеют локальные особенности, основной из которых является практически полное отсутствие во владимирских преданиях мотивов «благородного» разбоя Роцина и его помощи бедным, характерных для записей нижегородских преданий XX - начале XXI вв.

Другим результатом данного исследования является установление влияния на предания об атамане Роцине литературных произведений – повести М. Н. Загоскина «Кузьма Роцин», восходящих к ней лубочных повестей и повести Н. П. Ключарева «Железная роза» (дилогия «Работные люди»). Литературное влияние выразилось в некотором изменении народной традиции (включение новых мотивов, новой лексики). В то же время именно влияние литературных и лубочных произведений способствовало сохранению народного интереса к преданиям о Роцине, стабилизации преданий, и, тем самым, продлению периода существования фольклорных мотивов, в то время как совершенное отсутствие литературной «подпитки» (лубочной и современной) привело к полному исчезновению имени атамана Роциана из преданий на границах их бывшего ареала.

В целом же, приходится констатировать, что литературное влияние на народную историческую прозу (а особенно лубочное влияние второй половины XIX – начала XX вв.) недостаточно исследовано, а

полномасштабное исследование мотивов народных преданий возможно лишь в комплексном изучении с литературной традицией.

Исследование народных преданий об атамане Кузьме Рошине позволило выйти на ряд актуальных проблем и открывает перспективы их дальнейшего изучения: выявление сходства мотивики средне- и севернорусских разбойничьих преданий на более широком региональном материале; исследование эволюции образа разбойника в преданиях (в контексте взаимоотношений персонажа с местными жителями и их представлений о социальных, экономических и правовых функциях власти/государства); исследование литературного влияния на народную историческую прозу на уровне текстов произведений; рассмотрение разбойничьих лубочных повестей с позиции существования особого «гипертекста» с набором «постоянных мест», определенных замен и т. п.; подготовка научного сборника нижегородских преданий.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях.

1. Турусов, И. В. Народные предания о Кузьме Рошине / И. В. Турусов // Филологические исследования: сб. статей / Отв. ред. Л. И. Ручина. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. – С. 74-82.
2. Турусов, И. В. Нижегородские предания о разбойнике Кузьме Рошине / И. В. Турусов // Жизнь провинции как феномен духовности (Мат. межд. науч. конф. 22-23 апреля 2004 г.). – Н. Новгород: Вектор-Тис, 2004. – С. 118-121. - ISBN 5-93126-036-6.
3. Турусов, И. В. Предания о разбойнике Кузьме Рошине / И. В. Турусов // Живая старина. – 2005. - № 1(45). – С. 46-48.
4. Турусов, И. В. Окские предания о разбойнике Рошине: от исторического факта к фольклору, литературе и массовой культуре /

И. В. Турусов // Традиционная культура. – 2005. - № 1(17). – С. 90-95.

5. Турусов, И. В. Лубочные повести о Кузьме Рощине в нижегородских разбойничьих преданиях / И. В. Турусов // Жизнь провинции как феномен духовности (Мат. III межд. науч. конф. 18-19 апреля 2005 г.). – Н. Новгород: Вектор-Тис, 2006. – С. 50-53. - ISBN 5-93126-079-X.
6. Турусов, И. В. Окский разбойник Рощин в нижегородских и владимирских преданиях / И. В. Турусов // Граница и пограничье в истории и культуре (Мат. Уваровских чтений-VI 16-18 мая 2005 г.). – Муром. – (В печати).

Подписано в печать 21.11.2006. Формат 60x84/16.

Заказ № 1980. Тираж 100 экз.

Типография ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4

